

терминами, заключая новые понятия специально «Толстовской» морали.

Въ самомъ дѣлѣ, знакомясь въ первый разъ съ нравственными воззрѣніями Л. Толстого, слышаши вполнѣ знакомыя слова: отреченіе отъ личности, самоотверженіе, безкорыстная любовь и т. п. и радуешься, что христіанская мораль нашла себѣ художника-выразителя, слово котораго будетъ дѣйственнѣе въ нашемъ обществѣ, чѣмъ «слишкомъ простыя и безыскусственныя слова» Евангелія. Эта художественная, эстетическая форма, въ которую Л. Толстой облекаетъ свои нравственные воззрѣнія даже тогда, когда онъ далекъ отъ всякихъ художественныхъ цѣлей, вѣроятно многихъ подкупаетъ и не даетъ мѣста сознательно-критическому отношенію къ его морали. Но впечатлѣніе быстро мѣняется, когда начинаешь освобождать его нравственные подлинныя воззрѣнія отъ ихъ художественной оболочки. Прекрасная мораль, заманичивая перспектива безкорыстного любовного служенія людямъ, истинная жемчужина христіанской морали оказывается окруженнай такими гнилыми подиорами, такимъ психологическимъ и метафизическимъ мусоромъ, что удивляешься, какъ находятся люди, толкующіе объ истинномъ христіанствѣ Л. Толстого, и съ досаднымъ чувствомъ на моралиста и съ недоумѣніемъ спрашиваешь: заѣмъ понадобилось отрывать христіанскую мораль отъ ея родной почвы и ее, обрѣзанную по мѣркѣ субъективнаго пониманія и извращенную со смѣлостью современного фальсификатора, выдавать за подлинное ученіе Христа?

Въ одномъ мѣстѣ Л. Толстой говоритъ, что для принятія его морали не нужно ни положительной философіи, ни глубокихъ знаній, а нужно имѣть одно отрицательное качество: нужно не имѣть предразсудковъ³⁶⁾. Въ этихъ словахъ есть правда и неправда. Неправда, будто не надо положительной философіи для принятія его морали, ибо только съ признаніемъ ея философскаго освѣщенія можно сознательно слѣдоватъ ея предписаніямъ. Но правда въ томъ, что отъ многихъ предразсудковъ надо отстать, чтобы усвоить мнимо-христіанскую мо-

³⁶⁾ 13 т. стр. 9.